

ни этой благодарности къ нему; ошеломленный, онъ прислушивался къ этому потоку несвязныхъ и таинственныхъ словъ, прерываемому смѣхомъ и рыданіями, и ничего не понималъ въ этой необычайной массѣ движений и чувствъ, этихъ отрывистыхъ, несообразныхъ рѣчей, въ этомъ смутномъ изліяніи благоговѣнія, радости и любви. И какъ онъ могъ что-нибудь понять? Представьте себѣ всякаго на его мѣстѣ: думать, что имѣешь особое счастье увезти къ себѣ женщину, которую встрѣтилъ въ маскарадѣ, и—совершенно противно обыкновенному роману—вдругъ стать свидѣтелемъ этой драмы, этой поэмы, этихъ рыданій, молитвъ и волненій этой прекрасной женщины; найти подъ маской танцевальнаго зала эту влюбленную дѣственницу и эту мощную страстьность, эту женщину, покорную и противящуюся, отдающуяся и на колѣняхъ молящуюся и благодарящую безумными рѣчами,—это было, конечно, нѣчто совершенно неожиданное. Эдуардъ подумалъ, что она—сумасшедшая, и онъ не пытался удерживать ее, когда она его оставила.

VII.

Наступилъ день, и солнце залило со всѣхъ сторонъ комнату Сусанны. Она сидѣла въ креслѣ; передъ нею на паркетѣ лежали маски и домино, свѣча горѣла еще на столикѣ. Былъ уже полдень, и Сусанна